

I.

Новые рассказы Антона Чехова.

Мы напишемъ наши краткіе отчеты о наиболѣе замѣтныхъ или характерныхъ явленіяхъ текущей литературы, отмѣчая два рассказа г. Чехова. Этотъ молодой писатель сосредоточивается на себѣ вниманіе публики, которое не дается даромъ. Произведения его всегда отличаются оригинальностью отношеніемъ къ своей темѣ; многія изъ нихъ привлекаютъ глубиною своего захвата; при этомъ, почти всѣ они обладаютъ художественностью формы. Благодаря этимъ качествамъ, на г. Чехова опираются надежды любителей литературы: отъ него ждутъ всегда чего-нибудь новаго, чего-нибудь не только фиксирующаго мимолетные образы современной жизни, но и разъясняющаго ея смутныя явленія. Долгое время, — быть можетъ, именно вслѣдствіе его своеобразности, — эта послѣдняя сторона дѣятельности г. Чехова не признавалась критикой: ее отчасти сбивала его выдающаяся художественность. Въ первыхъ оцѣнкахъ его таланта, онъ былъ причисленъ къ писателямъ несомнѣнно даровитымъ, но недостаточно вдумывающимся въ жизнь; не умѣющимъ постигнуть идею, лежащую въ основѣ каждого жизненнаго явленія. Въ устахъ многихъ критиковъ, отдѣляющихъ идейность отъ художественности и допускающихъ возможность отдѣльнаго существованія этихъ качествъ въ безлестности, подобная оцѣнка была значительнымъ умаленіемъ литературныхъ достоинствъ г. Чехова. Однако, исключительная художественность, которая ставилась ему въ упрекъ, доказала лишній разъ, что какъ скоро она не ограничивается внѣшностью, однимъ лишь изощреніемъ формы, какъ скоро она является внутреннимъ качествомъ, сущностью творчества писателя, она отражаетъ жизнь настолько глубоко, что живые образы ея не пугаются въ особомъ, специальномъ осплещеніи: они говорятъ сами за себя, и каждый можетъ извлечь изъ нихъ или эстетическое наслажденіе, или нравственное поученіе, смотря по особенностямъ своего душевнаго зрѣнія. Критика почувствовала эту истину и отношеніе ея къ г. Чехову за послѣднее время замѣтно измѣнилось. Такъ, въ новѣйшемъ «литературномъ обозрѣніи» московскаго критика, принадлежащаго къ числу «идейныхъ», мы находимъ слѣдующія строки, посвященные г. Чехову: «Писатель, затрогивающій общій вопросъ о переживаемомъ времени и современныхъ людяхъ — г. Чеховъ. Онъ давно приобрѣлъ репутацію литератора, совершенно равнодушнаго къ какимъ-либо идеямъ, своего рода чистаго художника, непосредственно и безцѣльно сообщающаго публикѣ плоды своихъ наблюденій. Такъ, можетъ быть, думаютъ объ авторѣ и до сихъ поръ. Послѣднія произведенія г. Чехова идутъ безусловно наперекоръ такому представленію объ его талантѣ. Именно здѣсь подняты серьезнѣйшіе вопросы общественнаго содержанія, именно здѣсь съ полною ясностью сказалось стремленіе литературы отдать отчетъ въ отношеніяхъ времени!» («Артистъ», 1894 г. январь (№ 33), «Литературное обозрѣніе», И. И. Иванова, стр. 103). Такой отзывъ не долженъ казаться противоположнымъ или неожиданнымъ въ устахъ идейнаго критика; онъ показываетъ только, что критикъ, предпочитительно предъ своими собратьями, надѣленъ безпристрастіемъ и способностью проникать въ глубину литературныхъ явленій. Разъ онъ отказался отъ предубѣжденія противъ «чисто художественнаго» писателя, разъ онъ вдумался въ его образы, обозрѣлъ ихъ во всей ихъ совокупности, во всей перспективѣ дѣятельности автора, критикъ убѣдился, что они несравненно ярче

и отчетливѣе воплощаютъ современную жизнь, чѣмъ какіе бы то ни было образы, освѣщаемые рефлекторомъ тенденцій.

Мы, съ своей стороны, всегда высоко ставили г. Чехова, какъ художника, и съ величайшей симпатіей и интересомъ слѣдили за развитіемъ его таланта. Качества его, своеобразность и независимость, свойственные истинной художественности, служили въ нашихъ глазахъ лучшимъ залогомъ правильности его развитія. Высказываться о размѣрахъ его таланта, о надеждахъ на его будущее, мы считаемъ дѣломъ преждевременнымъ, такъ какъ итоги дѣятельности писателя, еще развивающагося, еще вырабатывающагося, всегда рискуютъ оказаться невѣрными. Приступая къ чтенію новаго рассказа г. Чехова, какъ и всякаго прогрессирующаго писателя, мы только задаемъ себѣ вопросъ — есть ли это шагъ впередъ, или писатель остается еще на прежнемъ уровнѣ? Съ нашей точки зрѣнія, размѣры произведенія не играютъ роли въ опредѣленіи его значенія: едва ли нужно доказывать, что самый мелкій по величинѣ рассказъ Мопассана имѣетъ большую литературную цѣнность, чѣмъ многотомный романъ любого изъ современныхъ нѣмецкихъ или англійскихъ писателей. «Рассказы», какъ называлъ обыкновенно небольшія по объему литературныя произведенія, имѣютъ, если можно такъ выразиться, и свою эстетику, свои опредѣленные законы, которыми авторъ, стремящійся къ совершенству, сознательно или безсознательно, долженъ слѣдовать. Ихъ никакъ не слѣдуетъ считать какими-то второстепеннымъ, низшимъ типомъ литературныхъ произведеній, и полагать, что всякій жизненный случай, изложенный съ извѣстной живостью, можетъ назваться художественнымъ рассказомъ. Этотъ родъ литературы имѣетъ своихъ образцовыхъ представителей и въ литературѣ прежнихъ эпохъ, и потерялъ лишь недавно образцоваго представителя нашего времени. Иностранные критики, занимавшіеся изученіемъ названной отрасли литературы, особенно выдвинувшейся въ наши дни, — быть можетъ, вслѣдствіе собственной этой днѣи нервной торопливости, — признаютъ двухъ мастеровъ въ этой отрасли — Тургенева и Мопассана. Ни одинъ писатель не обязанъ, конечно, подражать имъ, да и истинный талантъ, который непремѣнно бываетъ оригиналенъ, и не можетъ этого сдѣлать. Тамъ не менѣе, извѣстные, общепринятые образцы даютъ критикѣ мѣрку, какую она можетъ примѣнять къ произведеніямъ талантовъ, которымъ «много дано», но съ которыхъ «много и взыщется». Именно, изучая двухъ названныхъ мастеровъ «рассказа», мы видимъ, помимо жизненности содержанія и художественности формы, цѣльность и законченность въ обработкѣ ихъ сюжета: каждый самый незначительный по объему рассказъ того и другого есть, въ сущности, сконцентрированный романъ, т. е. произведеніе, исчерпывающее всѣ основныя свойства, по крайней мѣрѣ, главной личности рассказа, сущность его характера; искусство художника всего болѣе выражается въ выборѣ такого эпизода въ жизни главнаго лица, которое вполне его обрисовываетъ, такъ что вы вполне знакомитесь съ нимъ, и будущее его, насколько оно зависяетъ отъ него самого, для васъ становится яснымъ. Такой художественный приемъ и создаетъ цѣльность впечатлѣній, чувство художественнаго удовлетворенія, производимаго рассказомъ. Отступая отъ этого приема, авторъ даетъ не художественный рассказъ, а отрывокъ, который всегда оставляетъ по себѣ ошущеніе чего-то недосказаннаго, невыясненнаго, мелькнувшаго передъ вами, но не запечатлѣвшагося въ вашей памяти.

Въ смыслъ стройности и законченности два рассказа г. Чехова, поминувшиеся въ поговорныхъ книжкахъ журналовъ: «Бабье царство» («Русская Мысль») и «Черный монахъ» («Антистихъ»), производятъ далеко не одинаковое впечатление. Первый — сибиряко, жизненно, будучи выхваченъ изъ современной обиходной жизни, а второй — исключительно, болѣзненно, и, тѣмъ не менѣе, только послѣдній является настоящимъ рассказомъ, а первый — только «отрывкомъ». «Бабье царство» — картинка изъ жизни богатого, провинциальнаго, а быть можетъ, и московскаго купечества (личность съ точностью не указана). Главное действующее лицо — молодая купеческая дѣвица, Анна Акимовна, которая выросла въ бѣдности и, уже взрослой, оказалась на слѣдствіи фабрики съ миллионнымъ оборотомъ. Годъ за три до смерти, ей дядя приблизилъ къ себѣ ее отца и «приказалъ мамать для Анютки гувернантку». Но Анна Акимовна не могла забыть своего трудового, бѣднаго дѣтства; позднее, поверхностное образование не измѣнило ее въ этомъ отношеніи. Она стѣсняется, томится своимъ повымъ, непривычнымъ положеніемъ. «Я ничего не знаю и дѣлаю одиѣ глупости», сознается она себѣ, и чувствуетъ, что ей «хотѣлось бы стирать, гладить, бѣгать въ лавку и кабаки», какъ она это дѣлала каждый день, когда жила съ матерью, что она была бы счастлива, будучи «рабочей, а не хозяйкой». «Я большая дѣва съ листами и картинками, эти молодые люди обоимъ жила, которые почти каждый день приходятъ къ ней просить денегъ, и порою которыхъ она почему-то всякій разъ чувствуетъ себя виноватой, и эти чиновники, доктора и дамы, благоговѣющіе на ея счетъ, лѣстники ей и презирающіе ее втайнѣ за такое происхожденіе, — какъ все это уже приежилось и чуждо ей!»

Тяжелое душевное состояніе ощущается ею еще сильнѣе наканунѣ Рождества. Она сравнивала себя съ своими ровесницами (ей шло двадцать-шестой годъ), которые остались простыми работницами, и заидошли имъ. «Теперь», думала она, «онѣ хлопочутъ по хозяйству, утомились и вѣрнѣе уснуть, а зятря проснутся въ праздничномъ настроеніи; многи изъ нихъ давно уже выходяли замужъ и имѣютъ дѣтей». А она одинока, у нея нѣтъ ни одного близкаго человѣка, и деньги, которыхъ у нея много, и ей самой не нужны, и она не знаетъ, кому бы они могли принести действительную пользу. Такъ она именно въ этотъ день, въ рождественный сочельникъ, получила неожиданно полторы тысячи рублей, и не знаетъ, что съ ними дѣлать? Она подумываетъ — не отдать ли ихъ бѣдному чиновнику, и сама идетъ къ нему. Но пылкій, ломающийся чиновникъ ей сопротивляется, и она рѣшается оставить ему только 25 рублей и двѣ красненькихъ. Имъ хочется отдать полторы тысячи Пименову «старшому» на ея заводъ, живущему у этого чиновника, но она сейчасъ же опоминивается, что такой подарокъ показался бы несообразнымъ и оскорбительнымъ для строгаго, серьезнаго Пименова. Онъ какъ-то неопредѣленно занимаетъ ея мысли; она чувствуетъ въ немъ человѣка, какой всего лучше годился бы ей въ мужья, но это чувство такъ слабо, что достаточно разнообразіа обычныхъ жизненныхъ впечатлѣній, чтобы не давать ему развиваться.

Слѣдующій, праздничный день занятъ у Анны Акимовны приемомъ поздравленій. «И внизу на торговой или бабьей половинѣ» ей все нравится, и она весело принимаетъ поздравленія и похвалы и всѣмъ суесть деньги. Приходитъ «старшій» съ завода; между ними и Пименовъ. Она заговариваетъ съ нимъ, наблюдаетъ его, старается угадать, какъ онъ къ ней относится. Она подала ему руку на прощанье и даже хотѣла пригласить его запросто, но «не смѣла, какъ-то языкъ не послушался». Послѣ многочисленныхъ визитовъ, Анна Акимовна сѣла въ кресло и думала, чувствуя отъ одной этой мысли теплоту около сердца: «Вотъ влюбиться бы... и отъ завода избавиться бы...» Еще она думала, что еслибы отецъ жилъ дальше, то, вѣрнѣе, выдавъ бы ее за простого человѣка, напр., за Пименова, и добавила себѣ: «Чтожъ? и ничего бы... Я бы вышла». А теперь, когда она на своей волѣ, это ей трудно: ей мѣшаетъ другая, культурная сторона ея жизни.

Послѣдняя является предъ Анной Акимовной въ лицѣ представителя «конца вѣка», присяжнаго повѣреннаго Лысевича. Онъ полнотой говоритъ ей о любви, доказываетъ, что «женщина fin de siècle должна быть независима, умна, изысканна, интеллигентна, смѣла и немножечко развратна», советуетъ читать Мопассана. Анна Акимовна пробуетъ высказать, что у нея на душѣ, говорить, что ей «страшно жить такъ, какъ она живетъ», что она «больше такъ жить не можетъ», умоляетъ своей искренностью и вѣрить, что «еслибы Пименовъ полюбилъ ее, она пошла бы за него съ удовольствіемъ». Между тѣмъ, адвокатъ продолжаетъ ей раз-

сказывать литературныя новости, и она подпадаетъ подъ вліяніе этого проповѣдника тонкаго изысканнаго разврата. «Она слушала его и всякій разъ думала, что за такое удовольствіе можно заплатить по двѣнадцать тысячъ» (сумму, которую онъ получалъ ежегодно, какъ повѣренный запади), «и шлое болѣло, и прощала ему все, что ей не нравилось въ немъ». Она не замѣчала, что и онъ этимъ разговорами выслуживалъ свои двѣнадцать тысячъ, достававшіеся ему даромъ, что онъ и теперь къ ней прѣхалъ за подачкой и вынуждалъ ее отдать ему полторы тысячи, которымъ до сихъ поръ она еще не нашла употребленія.

По уходѣ гостей, она опять идетъ на «бабью половинку», разадоренная старухами, которые сватаютъ ей разныхъ жениховъ, при имени Пименова, говорить, что пойдетъ за него. Однако, когда она возвращается къ себѣ и остается, наконецъ, одна, ей становится «ясно, что все то, что она думала и говорила о бракѣ съ простымъ рабочимъ — вадоръ, глупости и самодурство... Досадило и глупо всего казалось ей то, что сегодняшнія мечты насчетъ Пименова были честны, возвышены, благородны, но въ то же время она чувствовала, что Лысевичъ и даже Крынинъ (обладавшій у нея старика съ анноской лептой) для нея были ближе, чѣмъ Пименовъ и всѣ рабочіе, взятые вмѣстѣ...» И она думала также, что ей уже поздно мечтать о счастіи, что все для нея погибло и вернуться къ той жизни, когда она слала съ матерью подъ однимъ одеяломъ, или выдумать какую-нибудь новую, особенную жизнь уже невозможно.

Мы должны были привести содержаніе рассказа г. Чехова съ нѣкоторыми подробностями, чтобы слѣдующее мнѣніе о немъ было яснѣе для читателя. Прочитавъ этотъ рассказъ, каждый, вѣроятно, испытаетъ чувство, похожее на недоумѣніе. Онъ бы не чувствовалъ его, онъ рѣшился бы терпѣливо ждать, если бы рядомъ съ подлиннымъ авторомъ стояло «продолженіе» или «окончаніе слѣдуетъ»; но этого дополненія нѣтъ, и читателю кажется, что ему дали слишкомъ мало, что онъ все-таки не знаетъ, что ему думать о молодой купеческой дѣвицѣ Аннѣ Акимовнѣ — жалѣть ее, считать ее несчастной, сгубленной полукривизнацией, отдалившей ее отъ стараго и не приблизившей къ новому, или же всѣ ея мечты, надежды и разочарованія — только нѣчто преходящее, плоды временнаго настроенія? Быть можетъ, жалѣть ее нечего, такъ какъ она молода, свободна, независима, и, разъ она сознаетъ, что со старую жизнью у нея нѣтъ ничего общаго, то никто не мѣшаетъ ей искать новой. А, можетъ быть, положеніе ея исполнено глубокаго драматизма, если она недостаточно надѣлена твердостью характера и способностями, чтобы отстать отъ стараго и слѣзться съ новымъ? На всѣ эти вопросы, авторъ не даетъ никакихъ отвѣтовъ, и мы оставляемъ его героиню, не зная — имѣемъ ли мы дѣло съ античной женской натурой, которую случается выбила изъ колеи, или съ натурой слабой и вялой, которая не сумѣла бы овладѣть никакими жизненными положеніями? Возможность такихъ противорѣчивыхъ мнѣній и характеръ главнаго действующаго лица рассказа указываютъ, что оно изображено недостаточно опредѣленно. Еслибы это было иначе, еслибы основныя черты характера этого лица были намѣчены рѣзче, или еслибы это лицо было показано намъ въ психологическій, рѣшительный моментъ его жизни, тогда пересказъ проведеннаго имъ дня можно было бы назвать рассказомъ въ настоящемъ смыслѣ, въ какомъ его понимали мастера этого литературнаго рода. Въ томъ видѣ, въ какомъ авторъ даетъ намъ его теперь, мы можемъ признать его только отрывкомъ, эскизомъ, наброскомъ, а эскизъ, какъ бы онъ ни былъ интересенъ, все же не картина. Тотъ, кто можетъ писать картины, долженъ выставить передъ публикою произведенія законченныя, а не брошенные на половинѣ.

Дальнѣйшее доказательство нашихъ словъ читатель можетъ найти въ другомъ рассказѣ того же автора, упомянутомъ выше, въ «Черномъ монахѣ». Это — небольшая, но вполне оригинальная и цѣльная картина. Въ ея познательномъ объемѣ вмѣщается цѣлая жизнь талантливаго человѣка, сдѣлавшагося жертвой роковаго психическаго недуга. И первые признаки, и развитіе, и заключеніе этого недуга написаны рукою мастера-психолога и вполне достойны автора съ высокой литературной репутацией. Именно подобныхъ рассказовъ мы ждали бы отъ г. Чехова, рассказовъ, въ которыхъ сконцентрирована цѣлая жизнь человѣка, и которые освѣщаютъ тайники человеческой души, остающіеся закрытыми для менѣе одаренныхъ писателей.

Д. А. Н.